

УДК 408. 53

А.В. Флоря

АЛОГИЗМЫ В «СОБАЧЬЕМ СЕРДЦЕ»

Рассматриваются нарушения смысловой корректности и когерентности в «Собачем сердце» М.Булгакова.

Ключевые слова: художественный мир, алогизмы, семантическая подмена термина, «филологический реализм».

*- Вы считаете эту книгу безнравственной?
- Хуже того, она плохо написана.*

Из вопроса О. Уайльда

В статье рассматриваются алогизмы, которыми, как ни странно, избилует произведение, с недавних пор вошедшее в «золотой фонд» отечественной классики – «Собачье сердце» М. Булгакова.

Творческий метод этого писателя определяется как «фантастический реализм», т.е. самые невероятные фантазии оформляются автором с максимальной достоверностью. Но необходимо сделать еще одно важное уточнение: писатель может быть мало правдоподобен с точки зрения реальной действительности, но иногда он выстраивает собственный – и очень достоверный – художественный мир, который следует судить по его собственным законам. «Собачье сердце» ущербно именно потому, что оно невероятно ни по объективным критериям, ни по собственным, авторским.

Со времени опубликования и перевоплощения «Собачьего сердца» в виде спектакля Г. Яновской и особенно фильма В. Бортко в советское сознание вошел концепт «шариковщина» как символ патологической душевной низости. Одновременно профессор Преображенский стал восприниматься едва ли не как эталон интеллигентности и, главное, мудрости.

Позволю себе высказать почти крамольную мысль: на мой взгляд, профессор Преображенский – человек очень недалекий, он не в ладах ни с логикой, ни даже с русским языком. Примеры последнего: «Я вам, сударыня, *вставляю* яичники обезьяны» (сказано так, словно он объясняет даме, что делает с ней в момент речи; разумеется, у настоящего времени есть проективное значение, но в данном контексте оно не уместно), «[З]ачем

нужно искусственно фабриковать *Спиноз*, когда любая баба может *его* родить когда угодно» (о тавтологии – двойном «когда» – не говорю, но Спинозу можно было бы согласовать в числе получше).

Содержание книги Булгакова сводится к апологии мещанства и воистину «зоологической» демофобии, доходящей до человеконенавистничества. «Собачье сердце» – блестящее, но очень плохо написанное произведение. Стилистическая неряшливость – самое безобидное проявление этой недоброкачественности.

- *Кто на ком стоял?* – крикнул Филипп Филиппович, -
- *потрудитесь излагать ваши мысли яснее.*

М. Булгаков. Собачье сердце

Вот уже двадцать лет многие граждане России рукоплещут монологу Преображенского о разрухе. На деле же это почти классическое пособие «Как не следует вести дискуссию». Для корректной дискуссии нужно прежде всего договориться о терминах, затем выдвинуть тезис и обосновывать его. Преображенский поступает наоборот. Он сразу же категорически отрицает существование разрухи («Это – мираж, дым, фикция»). Затем он пытается определиться с терминологией, но вместо этого прибегает к метафорам: «Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы?». Затем профессор констатирует снова: «Да ее вовсе и не существует» и опять делает попытку оговорить главный термин. «Что вы подразумеваете под этим словом? (...) Это вот что». Мы настраиваемся на дефиницию (которая сводится к простому слову – «бесхозяйственность»), но вместо нее получаем выразительные и малограмотные иллюстрации-описания: «(...) если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха». Аргументы очень экстравагантны: один человек не может «петь хором» (впрочем, Преображенский как раз поет у себя в квартире, не признавая этого права за другими: это, видимо, только профессорам разрешается в «Ресефесере»). Второй пример еще замечательнее: почему он уверен, что «пролетарии» ведут себя именно так? «Пусть нет любви – зачем же ненавидеть!».

Преображенский прибегает к подмене термина. Он семантически опустошает слово «разруха», вкладывает в него собственный смысл и отвергает все остальные. Несомненно, бесхозяйственность – т.е. та «разруха», которая в головах, – реально существует. Но из этого не следует, что разруха

как следствие гражданской войны придумана здесь же Борменталем («Что такое эта *ваша* разруха?»). С тем же успехом профессор стал бы отрицать самую гражданскую войну. (Его побуждения понятны: это желание эгоцентрика, неплохо устроившегося в голодное и неудобное время, обосновать свое право на комфорт. Не существует бедствий, просто плебеи не умеют жить.)

Аналогично профессор рассуждает о контрреволюции: «Никакой контрреволюции. Кстати, вот еще слово, которое я совершенно не выношу. Абсолютно неизвестно – что под ним скрывается? Черт его знает! Так я и говорю: никакой этой самой контрреволюции в моих словах нет. В них здравый смысл и жизненная опытность». Снова Преображенский делает категорические заявления, не понимая термина. Ссылка на «здравый смысл и жизненную опытность» – вместо логики – некорректна, ибо известно, что «пошлый опыт – ум глупцов».

*За что ж вы Ваньку-то Морозова?
Ведь он ни в чем не виноват.*

Б. Окуджава

Один из наиболее контрреволюционных тезисов Преображенского общеизвестен: «Да, я не люблю пролетариата». У него для этого есть важное основание: пролетарии, по его мнению, украли его калоши: «На нем [пролетарии] есть теперь калоши и эти калоши мои!» (Преображенский забыл собственные слова, адресованные «швондеровцам»: «Вы напрасно, господа, ходите без калош!») «Это как раз те самые калоши, которые исчезли весной 1917 года. Спрашивается, – кто их попер? Я? Не может быть. Буржуй Саблин? (...). Смешно даже предположить. Сахарозаводчик Полозов? (...). Ни в коем случае!». Преображенский судит о проблеме с позиций вульгарного социологизма: буржуи красть не могут (вероятно, потому, что они уже всё украли: *La propriété c'est le vol*). Но почему Преображенский так уверенно судит обо всех буржуях, когда с полной ответственностью он мог бы говорить лишь о себе? А вдруг упомянутые буржуи Саблин и Полозов сошли с ума и впали в kleptomaniю? Но если украли не они, из этого не следует, что это сделали Швондер или Вяземская. А если даже Преображенского обокрали какие-то пролетарии, то не уместнее ли предположить, что те самые – с приставкой «люмпен-»?

Но кого же именно не любит этот «ненавистник пролетариата»? Если имеется в виду Швондер, то он не пролетарий, а советский бюрократ. Если речь идет о Шарикове, то и он не пролетарий, что, как ни странно, понимает даже политически малограмотный профессор: «– Почему же вы – труженик?

– Да уж известно – не нэпман». Чугункин, из которого сфабриковали Шарикова, был люмпеном и уголовником, а Шариков, как и его наставник Швондер, сделался бюрократом, возглавив подотдел очистки. Пролетарии в этой повести – швейцар Федор, Зина и Дарья Петровна. Чем же они так не угодили Преображенскому?

... лица, которых мы еще разъясим...

М. Булгаков. Собачье сердце

Но, может быть, Преображенский на столь пещерном уровне рассуждает лишь о бытовых и социальных вопросах, а в науке – его основном деле – всё обстоит иначе? А что мы, в сущности, знаем об этом?

Научная значимость профессора преподносится в повести как нечто само собой разумеющееся. Ее констатируют все, Преображенского знает *каждая собака* – в буквальном смысле слова! Едва увидев его, пес Шарик мысленно обращается к нему: «[В]ы сегодня завтракали, вы, величина мирового значения». Все, даже враги, уверены в его величии, но такая ли уж это аксиома? Действительно, это величие констатируют в основном *некомпетентные* люди. Достоверно известно только о *репутации* Преображенского, но не о его *реальной* значимости. Даже ссылка на «мировое значение» не проясняет вопроса: знают ли Преображенского как блестящего хирурга или великого ученого? Это ведь не одно и то же.

Понятие «великий ученый» содержит, по крайней мере, три важных компоненты. Он не только совершает выдающиеся открытия, но является глубоким теоретиком: он адекватно понимает свою деятельность на научном уровне и прогнозирует ее последствия. Кроме того, он помнит, что действительность больше, чем наука, и подчиняет свою жизнь высокой гуманистической сверхзадаче. Подходит ли под эти критерии Ф.Ф. Преображенский? И вот здесь хотелось бы вернуться к тому, с чего мы начали, – к двум реальностям: к той, в которой мы живем, и той, которая создана Булгаковым. Конечно, если бы Преображенский разъяснил загадочную функцию гипофиза, этому открытию позавидовали бы лучшие физиологи мира. В действительности открытие существует только в воображении Булгакова: гипофиз не определяет человеческий облик, а обеспечивает гормональный баланс в организме. Но в фикциональном мире булгаковской повести, возможно, всё иначе. Однако и там «концепция» Преображенского выглядит более чем странно: если гипофиз отвечает за человеческую конституцию (позднейшее уточнение: «гипофиз – закрытая камера [т.е. открытие все-таки *не состоялось*? – А.Ф.], определяющая *человеческое* данное лицо»), то за что же отвечает гипофиз собаки? За ее

«человеческое лицо»? (Это одна из несообразностей булгаковского текста, и далеко не самая крупная.) Но допустим, что Преображенский все-таки сделал великое открытие. Однако это произошло случайно, профессор «шел в комнату – попал в другую». Как теоретик он оказался не на высоте: не предвидел результатов опыта и даже не сделал верных выводов (как мы увидим далее). А практический результат общеизвестен.

Кстати, о практическом результате. Как было сказано, у великого ученого должна быть глобальная сверхзадача, выходящая за пределы только науки. У Преображенского она тоже была – как плод его мизантропии: он «заботился (...) об евгенике, об улучшении человеческой породы». И он же создал Шарикова. Трудно представить большее надругательство над человеческой природой и злейшую насмешку над грандиозными прожектами профессора. Но столь же трудно представить себе, как он вообще намеревался решать эту сверхзадачу! Добиваться декрета о всеобщем обязательном хирургическом омоложении путем пересадки звериного гипофиза? Не собирался же он, например, вставить пятидесятилетней нимфоманке яичники обезьяны и посмотреть, какое выйдет потомство? Или все-таки собирался?

Господи, прости им, ибо не ведают, что творят.

Допустим, в «булгаковской» реальности такие чудеса возможны. Однако мы бы очень удивились, если бы Преображенский для омоложения нимфоманки пересадил *ее* яичники обезьяне! Преображенский омолаживал людей – зачем же он пересаживает половые железы и гипофиз от человека собаке, а не наоборот?

Можно лишь догадываться, в чем могла быть его логика: если человеческие железы приживутся у собаки, то не исключено (хотя не обязательно), что собачьи органы приживутся у человека; если удастся омолодить собаку человеческим гипофизом (хотя непонятно, зачем омолаживать молодое и здоровое животное железами хронического алкоголика), то и собачий гипофиз повлияет на омоложение человека. Это *мы* можем предполагать, сам Булгаков ничего не разъясняет. Но допустим, что предположение правильно. Тогда как с этим согласовать следующий ученый диалог между Борменталем и Преображенским?

– Филипп Филиппович, а если бы мозг Спинозы?

– Да! – рявкнул Филипп Филиппович. – (...) Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого

дьявола? (...) Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно.

Во-первых, «чрезвычайно высокостоящий», которого можно «соорудить» из собаки, – это кто? Суперэлитарный пес? Человек? Сверхчеловек? Голем? Или Филипп Филиппович сам этого не знает? По-видимому, так и есть.

Во-вторых, из диалога следует, что «Спиноз» можно было бы «фабриковать» не из людей, пересаживая им собачьи органы, а из *собак*, пересаживая им мозги вышеупомянутых «Спиноз»! (Преображенский отказывается воплощать эту идею, однако не потому, что считает ее бредовой, – как раз наоборот.) Значит, ученые мужи изменили свое отношение к проблеме, а равно и методику, на диаметрально противоположные? Из «омоложенных» людей не получится ничего положительного – так не попробовать ли собак? Но *когда* они пришли к такому решению и *почему*? Эта идея посетила Борменталья уже *после* операции над Шариком, а профессор до операции вообще не подозревал, что это приведет к очеловечиванию собаки. Тогда зачем оперировали?

Доктор Борменталь в своем журнале формулирует цель операции с исчерпывающей полнотой и точностью: «постановка опыта Преображенского с комбинированной пересадкой гипофиза и яичек для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем и о его влиянии на омоложение организма у *людей*». Сразу же возникает загадка: если ученые пересадили гипофиз и *семенники*, то почему их интересует только гипофиз? А семенные железы – должны прижиться и влиять на чье-то омоложение или нет? И зачем их вообще понадобилось пересаживать? Ведь если они приживутся, как мы отделим влияние на омоложение их гормонов от гормонов гипофиза?

Или Преображенский намеревался омолаживать людей с помощью «особаченного» человеческого гипофиза? Допустим, у Булгакова это возможно. Но как Преображенский собирался проверить корректность опыта? Неужели на пациентах? Но ведь они платили ему за *реальное омоложение*, а не за эксперименты над ними! Преображенский должен был *до этого* убедиться, что «особаченный» гипофиз омолаживает людей, т.е. кому-то его пересадить. Кому? Неужели Борменталю? Или, может быть, себе?

И, что самое таинственное: зачем для всего этого врачам понадобилась *мертвая* собака? Ведь профессор Преображенский не сомневался, что животное умрет у него на столе. Даже трижды повторил это во время операции, а «что трижды скажу, тому верь». Поместить в собачий

труп вместе с семенниками человеческий гипофиз, подождать, пока он не приживется – в трупе (насчет семенников ничего не сказано, видимо, это не принципиально), потом пересадить гипофиз человеку... Но какое отношение это имеет к науке?

Наверное, никакого! И ведь Булгаков этого не скрывает! Преображенского откровенно именуют «магом», «чародеем», «волшебником», «жрецом»! (Правда, Преображенский говорит: «Ведь я же все-таки ученый». Но Воланд тоже называл себя профессором.) И вся операция описана так, словно это *жертвоприношение*: пса убьют, и его смерть даст гипофизу омолаживающую силу. Это уже какая-то некромантия! Сеанс черной магии с ее разоблачением.

Впрочем, скорее *без*. «Разоблачения» не происходит: ученые мужи не в состоянии подвести итоги, хоть сколько-нибудь осмыслить то, что они сотворили, сделать выводы из ошибки: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ошупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей». «Доктора» это, возможно, убедило. Но как можно представить это в реальности? Ведь природа развивается так медленно, что любой шаг науки вперед – это уже форсирование. Как науке можно двигаться «параллельно с природой»? Застыть на месте и продвигаться на микроны за тысячелетия? И как это выглядит на практике? Подождать миллион лет, когда собака и человек эволюционным путем приблизятся друг к другу, а уже потом оперировать? Подождать можно – дожидаться нельзя. И что значит двигаться «ошупью»? Разве Преображенский делал это по-другому? В его действиях нет ни малейшего проблеска осмысленности.

(Объективная причина провала Преображенского – в его жадности в сочетании с авантюризмом. Он решает великую научную задачу «по дешевой цене»: используя бродячего пса и невостребованный криминальный труп хронического алкоголика и дегенерата – при этом не удосужившись изучить биографию Чугункина. Но большая наука не делается на негодном материале и не терпит мелочности и безответственности. В этой связи полезно сопоставить Преображенского с его антиподом – профессором Персиковым из «Роковых яиц».)

Преображенский и – от его имени – Борменталь любят поучать Шарикова: «Вы, Шариков, чепуху говорите и возмутительнее всего то, что говорите ее безапелляционно и уверенно», «Вы в присутствии (...) людей с университетским образованием позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и

космической же глупости». Но до космических масштабов Преображенского Шарикову далеко! Так что приведенные цитаты можно с успехом переадресовать великому врачу.

Поступила в редакцию 01.02.06

A.V. Florya

Logical transgressions in the novel “The dog’s heart”

The main object of this article is the transgressions of semantics and coherence in the novel “The Dog’s Heart” by M. Bulgakov.

Флоря Александр Владимирович
Орский гуманитарно-технологический институт
462404 Россия, Оренбургская обл.,
г. Орск, ул. Новосибирская, д. 125, кв. 1.
E-mail: awf@email.orgus.ru